

МАРИНА И СЕРГЕЙ ДЯЧЕНКО

Ведьмин зов

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д99

Иллюстрация на переплете *Виктории Лебедевой*

Дяченко, Марина Юрьевна.

Д99 Ведьмин зов / Марина и Сергей Дяченко. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-247077-6

После того, как Великий Инквизитор Клавдий Старж и ведьма-матка Ивга остановили Ведьмин век, ведьм больше не жгут на кострах. Их сын Мартин пошёл по стопам отца, став инквизитором-куратором и защищая неиницированных ведьм в обществе, которое до сих пор их боится. Ему предстоит выступить против «Новой Инквизиции», самосудной группы, убивающей ведьм, и спасти молодую девушку по имени Эгле, которая навсегда изменит страшные правила инициации.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247077-6

© Дяченко М. и С., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Она вышла из зала посреди церемонии, сорвала бейдж и выбросила в урну. Через минуту одумалась, вернулась, выудила пластиковую карточку обратно: без бейджа ее не пустят в гостиницу. В холле работали экраны, шла трансляция из зала, грохотали аплодисменты. По коридору сновали люди, как чайки за кормой колоссального теплохода. Журналисты писали на камеру подводки и комментарии. Охранники-шкафы громоздились у входов и выходов, спиральные провода вились из-под белоснежных воротников прямиком в волосатые уши. Путаясь в вечернем платье, оступаясь в туфлях для красной дорожки, Эгле вышла из кинотеатра и поймала такси.

Прилично было бы остаться на пафосную вечеринку и поздравить победителя. Не бежать из зала на глазах у коллег, не терять лицо, не швыряться бейджем. Хранить бесстрастность, улыбаться, пить шампанское, ведь номинация сама по себе уже победа, правда? Тем более первая номинация молодого профессионала; завтра Эгле пожалеет, что не сдержалась, но сейчас ей хочется визжать, рыдать и драться. И еще, конечно, взорвать этот город, снести с земли вместе с предвзятым, бездарным жюри, не оценившим ее работу.

— Куда мы едем? — деликатно спросил таксист, и спросил уже в третий раз.

— У вас есть хорошие ночные клубы?

— Это Одница. — Таксист обиделся. — Спросите еще, есть ли в лесу деревья!

— Поехали, — сказала Эгле.

На всех экранах продолжалась трансляция, зеваки толпились на тротуарах, задрав головы. Только что назвали победителя в номинации «Лучший анимационный фильм»; стоял теплый, мягкий, поролоновый вечер. Кабриолеты втянули складные крыши, как улитки втягивают рожки. Пассажиры в открытых салонах вертели головами, болтали, смеялись — что с них взять, туристы.

Пойду официанткой в кафе, сказала себе Эгле. И прекрасно, отличная работа. Хватит портить глаза, сутками напролет рисуя проклятые концепты, возиться с выкройками и эскизами, хватит добиваться совершенства. У меня исторический костюм, где каждая пуговица, каждая фактура выверена и оправданна. У меня тысячи дней, проведенных в музеях, у меня системный подход, технология «состаривания» ткани. Вы знаете, как изнашиваются бальные платья и каковы на ощупь нижние юбки, и что означает цвет обшлагов на парадной инквизиторской мантии?! Мои костюмы достовернее музейных экспонатов, я создала чудо на этом проекте, а вы награждаете фэнтези, где вся одежда взята из наркотического бреда!

Таксист был прав: ночных клубов здесь было как деревьев в лесу. Не выбирая, не раздумывая, она вошла в первую попавшуюся дверь.

Вечер только начинался, зал был полупустой, но Эгле сразу поняла, что ей здесь нравится. Свежо, до времени негромко, приятный свет. На экранах продолжалась це-

ремония; Эгле понимала, что трансляция вездесуща. От нее не спрятаться, проще сесть спиной к экрану.

Она уселась за столик, заказала коньяка и прислушалась к себе; обида никуда не делась, и сожалений о бегстве не было. Потеряла лицо — ну и плевать. Мнение коллег — помет колибри. Микроскопический вес.

У пустующей эстрады в одиночестве сидел молодой мужчина с кружкой пива. Эгле почти поймала его заинтересованный, оценивающий взгляд, но мужчина успел отвести глаза: так отворачиваются воспитанные, благополучные подростки. Настала очередь Эгле его разглядывать: нет, не завсегдатай ресторанов и баров, скорее спортсмен, член яхт-клуба. Блестящие черные волосы, ярко-голубые глаза на загорелом лице; турист? Откуда такой? Может быть, местный?

Он посмотрел на нее и на этот раз не стал отворачиваться. Несколько секунд они разглядывали друг друга, потом он встал, подхватив свою кружку и пересел к ней за столик:

— Я видел вас сегодня на церемонии, у вас номинация за лучший костюм, так?

— Вы обозначились, — процедила она, стремительно теряя к нему интерес.

Он почуял это и заговорил быстро, сбивчиво:

— Я подошел... это наглость, но я должен был вам сказать. Костюмы в «Железном герцоге»... высокое искусство. Повествование, экспрессия, подлинность... Идеальное сочетание исторической точности, образа, цвета, линий... да! В этом фильме вы переиграли оператора, актеров, постановщика... всех!

Он не кривил душой. Эгле слегка оттаяла.

— У вас нет конкурентов. — Он волновался все сильнее. — Статуэтка по праву ваша, решение жюри неспра-

ведливо. Они дают призы проходным картинам, которые забудутся на другой день, а ваша работа... новая классика! По ней будут учиться будущие поколения — как стремиться к совершенству... как достигать! Быть не просто художником, но перфекционистом!

— Зачем что-то делать, если не стремишься к совершенству? — Эгле уже улыбалась. Его слова и коньяк действовали в сговоре, теперь она чувствовала себя гораздо лучше.

— У меня были билеты на церемонию, — заговорил он снова после легкой заминки. — Я отдал их другу, чтобы тот пригласил свою девушку. Сижу вот, жду... от него сообщения. Посмотрим, как у них сложится, я либо вернусь к себе... Либо проведу ночь в клубе, потому что ключи от квартиры я тоже отдал другу.

— Это ужасно трогательно, — сказала Эгле.

— Просто чтобы вы не подумали, что я алкоголик, раз сижу здесь и пью один.

— Да ведь и я не пьяница. — Эгле вздохнула. — Я белая. Неврастеничка. Может быть, еще вернусь... на вечеринку по случаю награждения. Еще не решила.

А не пригласить ли его в отель, мелькнула безумная мысль. Никогда прежде ей не приходило в голову прыгать в постель после трех минут знакомства. Не забыть бы спросить его имя...

— Меня зовут Конрад, — сказал он, будто читая ее мысли. — Я адвокат по страховым делам. Знаете, страховки имущества, медстраховки...

— Какая скука, — сказала Эгле.

— Вовсе нет. — Его глаза заблестели ярче. — Тоже творчество. Каждый процесс — это вызов, поединок, где победа зависит от множества факторов, знаете, — он щелкнул пальцами, — что-то среднее между боем бы-

ков и шахматной партией. От победы зависят не просто деньги — человеческие судьбы, и вот ты стоишь перед разъяренным быком и думаешь, сработает ли ладья на правом фланге...

Эгле улыбнулась, не скрывая симпатии:

— Значит, вы местный?

— Меня приглашали в столицу, — он подхватил ее улыбку, — но я патриот Одницы. Наше солнце, наше море, наши пляжи...

— Конрад, а как вы относитесь к ведьмам?

Он открыл рот, желая переспросить, но осекся и замолчал. Его взгляд изменился: на секунду Эгле показалось, что он сейчас встанет и уйдет.

— Потрясающе, — сказал он после паузы. — Я должен был догадаться.

И засмеялся, немного нервно, но явно радостно:

— Вы... да?

— Да. — Она кивнула. — Предпочитаю откровенность, причем сразу. А вы — нет, вы не могли догадаться, вы же не инквизитор.

Он замотал головой, сделал большой глоток из своей кружки:

— Должен был догадаться. Ваш талант. Определенно, что-то в этом есть, я будто чувствовал... Говорят, что ведьмы наделены даром. Ведьмы оригинальны. Ведьмы бывают гениальными чаще, чем...

— Спасибо, Конрад. — Она мысленно выдохнула с облегчением. — Сегодня вечером вы — целитель моего раненого самолюбия. Значит, у вас нет предубеждения против ведьм?

— Нет. Конечно. Сейчас такие времена, что... я ведь прогрессивный человек. — Он снова засмеялся. — Как глупо это звучит... Казалось бы, так легко встретить ведьму

в баре. А на самом деле редчайший случай... потрясающе. Эгле... ведь Эгле, да? Вы первая ведьма в моей жизни, с которой я пью.

От него пахло терпким мужским парфюмом, свежим потом и адреналином. Эгле обнаружила, что коньяк в рюмке закончился, и жестом подозвала официанта; ее обида и ярость съежились, ушли в тень, на смену явилась обманчивая, головокружительная легкость. Идея привести Конрада в отель все-таки слишком безумна, но он ей нравится. Она посидит здесь какое-то время, купаясь в лучах его обаяния, восстанавливая энергию, а потом вернется на вечеринку, поздравит победителя и...

От входа потянуло ледяным сквозняком. Будто не теплая Одница, а промозглая зимняя Ридна, родная провинция Эгле; нет, это не холод. Это дискомфорт совсем другой природы: в ночной клуб зачем-то пожаловал инквизитор. Эгле знала, что сумеет притерпеться к его присутствию через несколько минут, но притупившаяся было ярость вспыхнула снова: почему инквизитора принесло именно сейчас, именно сюда, именно сегодня?!

Он, конечно, тоже почувал ее — с порога. Прошел очень близко, не повернув головы, — в джинсах и светлой тенниске, неотличимый от прочих посетителей, а впрочем, не в черной же хламиде ему являться в клуб. Уселся в углу — так, чтобы Эгле оказалась в его поле зрения. Уставился на большой экран за ее спиной с выражением смертельной скуки на бледном лице. Рейд у них, что ли? Почему тогда он не подходит и не спрашивает документы, чего ждет?

Холодный, спокойный, даже отрешенный инквизитор. Когда они в таком расположении духа, их легче переносить.

силь. Эгле ощущала его присутствие, как камушек в обуви: пока сидишь в удобном кресле, можно терпеть, но не вздумай встать.

Она отхлебнула от новой, принесенной официантом рюмки.

— Что-то не так? — обеспокоенно спросил Конрад.

Эгле махнула рукой, все, мол, в порядке. Теперь ей было странно, что она чуть было не пригласила этого парня к себе на ночь. Дурацкая идея — сейчас. Но, может быть, в будущем... все-таки он совершенно в ее вкусе, и эти голубые глаза...

— У меня никогда не было предубеждения, — мягко говорил Конрад. — Все меняется... В университете, например, теперь квота на ведьм. Вроде как приемная комиссия зачисляет девушек без экзаменов — просто по справке из окружной Инквизиции. Уж не знаю, верить или нет. Кстати, знаете анекдот — заходит девственница в бар...

Взгляд инквизитора бесил ее. Это же надо уметь так смотреть — не прямо. Не глазами. И ведь не подойдет, скотина, и не отвернется. И пьет, кстати, воду. Чистую воду, сидя в клубе; Эгле смотрела, как движутся губы Конрада: тот молот откровенную чушь. Все равно какого цвета твои глаза, когда говоришь ерунду. Жалко.

— В наше время, Эгле, Инквизиция превратилась в контору по социальной поддержке ведьм, — весело продолжал Конрад. — Я сам иногда жалею, что не ведьма, за мной бы присматривали, опекали, а вдруг я в чем-то нуждаюсь, вдруг меня дискриминируют...

Инквизитор встал и вышел в коридор. Эгле поднялась почти сразу, взяла сумку, улыбнулась Конраду посреди его речи и, покачиваясь на каблуках для красной дорожки, пошла в отхожее место.

В полутемном коридоре пахло застарелым табачным дымом. Инквизитор курил возле урны с песком; Эгле подошла вплотную:

— Вот мое регистрационное свидетельство, окружная Инквизиция города Вижна. Что-то еще?!

Он ткнула карточку ему под нос. Он не удивился. Не удостоил документ ни взглядом:

— Я не на работе. Вы же не станете давать консультации по историческому костюму в сортире ночного клуба, нет?

Весь этот проклятый город меня знает, подумала Эгле. Все, хватит. Пора в гостиницу, завтра самолет.

Она вернулась в зал. Конрад что-то быстро писал в мессенджере, при виде Эгле убрал смартфон под стол и отчего-то смутился:

— Мой друг пишет... до сих пор ничего не ясно. Церемония понравилась, они пьют кофе, но девушка ничего не решила. Я написал, чтобы он не торопился, в конце концов, я могу переночевать и на яхте...

— На яхте, — повторила она бездумно и взяла свою рюмку со стола.

— Маленькая яхта у причала, напротив концертного комплекса. Обожаю ходить под парусом... Эгле, вы устали? У вас такой утомленный вид...

Она допила свой коньяк. Покатала во рту последний глоток. Поставила рюмку:

— Спасибо, Конрад, вы мне скрасили этот вечер. Под парусом мы когда-нибудь сходим, когда-нибудь потом, а сегодня...

Ее ноги подкосились. Конрад поймал ее в падении:

— Ничего, бывает...

Что бывает, подумала Эгле отстраненно. Я выпила две рюмки коньяка... И что, что с моими ногами?! Эй, мы так

не договаривались, я должна встать, собраться, вызвать такси...

Последнее, что она запомнила, — голубые глаза Конрада совсем рядом. Напряженные, цепкие, отчего-то очень жадные глаза.

* * *

К ее носу поднесли тряпку, пропитанную нашатырем. Вонь была, как конец света. Эгле закашлялась... попыталась кашлять, но рот ее и подбородок оказались залиты бетоном. В первую секунду было такое впечатление.

Просыпайся, сказала она себе. Гадость какая снится. Просыпайся немедленно!

Тело не слушалось, как в самом ужасном кошмаре. Она не могла поднести руку к лицу — возможно, оттого, что запястья были стянуты... веревкой? Проволокой? Дышать заклеенным ртом нечего было и пытаться, нос заливало слезами и соплями, Эгле задыхалась.

Вонючая тряпка убралась. Над Эгле склонилось лицо, закрытое капюшоном: традиционный костюм инквизитора. Глаза в прорезях смотрели мутно-карим, лихорадочно-возбужденным взглядом; инквизитор удостоверился, что Эгле пришла в себя, удовлетворенно кивнул и выпрямился.

Эгле увидела комнату, по виду нежилую, с обрывками старых обоев на стенах и пятнистым потолком, с окном, забитым фанерой, с голой лампочкой, единственным источником света. Привязанная за руки, она лежала не то на кровати, не то на диване, не то на матрасе поверх ящиков. В комнате кроме нее присутствовали двое в балахонах с капюшонами-масками. Один был Конрад, Эгле узнала его по глазам. В руках он держал видеокамеру.

Вошел еще один в балахоне, прижимая к груди упаковку дров из супермаркета, с этикеткой — «сосновые дрова». Положил у изголовья, и Эгле увидела, что таких упаковок много — кровать обложена штабелями сухих поленьев. Вошел четвертый с двумя канистрами, никто не произнес ни слова.

Если это инквизиторы, то почему она их не чувствует? Что они творят, она ведь даже не инициирована! Зарегистрирована по закону, ее свидетельство регулярно обновляется... Конрад, ночной клуб... Кто они такие?!

Торговаться, угрожать, сравнить их между собой — прекрасные опции, но не для человека без рта. Освободить руки... не вариант, и очень болезненная попытка. Ноги свободны... пришлось бы кстати туфли для красной дорожки, с огромными острыми каблуками, но туфель нет — слетели по дороге. Что еще можно сделать?

Конрад передал камеру другому человеку в балахоне и подошел ближе. Эгле поймала его взгляд, попыталась безмолвно изобразить мольбу, и получилось отлично: Конрад смотрел, не отрываясь, напиваясь ее унижением, страхом и болью.

Кареглазый в балахоне включил камеру. Конрад убедился, что запись идет, и распорол на Эгле вечернее платье. Ткань скрипела под лезвием хорошего походного ножа. Эгле попыталась оттолкнуть палача ногой, но двое других, статисты, прижали ее к матрасу. Оператор невозмутимо снимал.

Конрад срезал с нее белье, которое Эгле купила в фирменном бутике пару дней назад, впервые в жизни. Позавчера. Век назад. Дрова вокруг кровати благоухали пикником, в комнате воняло потом, бензином и похотью, и горел огонек камеры.

Конрад отшвырнул лоскуты платья, обрывки белья и лохмотья тонких колготок. Оператор снимал; пытаясь съежиться на матрасе, высвободиться из удерживающих ее веревок и рук, Эгле ощутила, будто удар плети, присутствие инквизитора рядом. Разъяренного, взвинченного, очень злого. Мелькнуло перед глазами надменное лицо в ночном клубе: «Я не на работе...»

Теперь понятно, почему ему плевать было на ее регистрационное свидетельство. Если он выследил ее, привел в эту комнату, на этот матрас, к этим ублюдкам... Тогда где же, где он сам?!

Конрад держал в руках банку с краской и кисть. Эгле дернулась, подбирая живот, но ничего не могла поделать: кисть гуляла по ее телу, Конрад писал, тяжело сопя. Оператор снимал; Конрад отложил кисть и задышал громче. Задрав мантию, расстегнул штаны...

Загрохотала выбитая дверь, Конрад дернулся, оборачиваясь, а Эгле накрыла волна холода, сопоставимого с болью, — тот, что стоял в двери, был очень, очень опасен для любой ведьмы:

— Окружная Инквизиция!

В правой руке инквизитора мигал проблесковым маяком жетон, левая заведена за спину. На нем не было ни балахона, ни маски, — светлая тенниска и джинсы, как тогда в клубе. Четверо в мантиях на секунду оцепенели.

Мутноглазый опомнился первым — он шагнул к человеку в двери, наклонив голову под капюшоном, будто собираясь забодать противника. Инквизитор убрал из-за спины левую руку, вытянул вперед, в ней, к сожалению, не было пистолета, безоружная ладонь сжата в кулак. Мутноглазый прыгнул — инквизитор разжал пальцы. На ладони был красной тушью нанесен знак. Если бы мутноглазый был ведьмой, повалился бы на месте, но он был просто

человеком, просто мужчиной и просто мерзавцем, поэтому всего лишь отшатнулся. Зато Эгле, увидев знак мельком в свете единственной лампы, оказалась полностью парализованной.

Не чувствуя ни ног, ни рук, ни боли, лежа на спине, она могла видеть потолок и лампочку, слышать сопение, топот, глухие удары, ругань, стон. Взвизгнул кто-то, до сих пор молчавший. Кто-то повалился на пол. Драка продолжалась долго, бесконечно, пока вдруг не стало тихо, и Эгле почувствовала, что инквизитора рядом больше нет.

— Сволочь, — прохрипел Конрад, — спалил нас... Уходим, здесь все сгорит, валим! Камеру возьми!

Он поднял с пола канистру, склонился над Эгле, стянул с головы капюшон. Эгле увидела его лицо и поразились, как этот урод мог понравиться ей.

— Гори, ведьма, — сказал Конрад.

Он плеснул бензином на голое тело. Эгле рванулась, желая освободить руки, готовая отгрызть их по локоть, было бы время...

Близкий и мощный звук нарушил тишину этой ночи. Взыли снаружи, с трех сторон, полицейские сирены. Эгле снова дернулась и увидела, как искажается лицо Конрада — будто грязная простыня.

Отшвырнув канистру, он кинулся к двери, на бегу повернулся, выхватил зажигалку, щелкнул, бросил — Эгле видела, как зажигалка летит и на лету трепещет огненным язычком. Модель «Пикник», не гаснет на сильном ветру, после нажатия кнопки три секунды держит пламя...

Зажигалка исчезла, зажата в чьем-то кулаке. Снаружи грубо орали голоса: «На землю! Лежать! Руки за голову!»

Инквизитор выпрямился, сжимая в ладони мертвую зажигалку.

* * *

Взяли четверых, один без сознания, Мартин сломал ему челюсть. Плюс камера с оперативными материалами. Плюс жертва, в шоке, но живая и относительно здоровая; он не чувствовал боли ни в разбитом лице, ни в обожженной ладони. Эйфория, адреналин, звон в ушах.

Ларри, полицейский комиссар, находился одновременно во дворе, где прошло задержание, в доме, где обнаружили жертву, в машине, где работал компьютер. Набегавшись, подошел к Мартину и жадно закурил:

— Вообще-то я не очень люблю ведьм. Но сейчас даже мне хочется запереть ублюдков в доме и кинуть спичку.

— Не курил бы ты здесь, — сказал Мартин.

Комиссар поспешно затушил сигарету:

— Ну и дерьмо... Ты везучая скотина, у меня слов нет. Просто нет слов, только ругательства, и то однообразные...

Завибрировал телефон. Опуская руку в карман, Мартин уже знал, кто звонит. У отца была нечеловеческая интуиция.

— Что там у тебя?! — отрывисто спросила трубка.

— Взяли «Новую Инквизицию», — сказал Мартин разбитыми губами. — Только что. Девушка жива.

Коротенькая пауза, которая дорогого стоит.

— Ты как?

— Меня убили и съели.

— Немедленно полный отчет! — В его голосе звучала сталь, но и что-то еще, отчего Мартин почувствовал нежность:

— Это полицейская операция, патрон. Не инквизиторская. Но отчет я подготовлю и пришлю.

Жертва, завернутая в одеяло, сидела в машине «Скорой». Час назад он видел ее в клубе, колючую, злую, экс-